

ТЕРЕЗА ТОТЕН

18+

ВЗРОСЛЫЕ ИГРЫ

Фанатам
психологических
триллеров
«Исчезнувшая»
и «Девушка в поезде»

Annotation

Жесткие законы выживания закрытой школы. Кейт пытается притвориться «своей», рассчитывая вызвать интерес богатых наследниц. Похожая на «барби», Оливия становится ее очередным «орудием» и средством подняться выше по социальной лестнице. Пока сама Оливия не становится жертвой другого «хищника».

Тереза Тотен

Взрослые игры

Кену, снова и всегда

* * *

Не заглянете ли в гости? — муху приглашал паук.

Мэри Хауитт

22 марта, вторник

Кейт и Оливия

Обе девушки застыли в неподвижности. Юная блондинка на кровати не шевелилась, потому что не могла, а блондинка в кресле — потому что... ну, кажется, она тоже не могла.

Нарушив тишину, в палату быстрым шагом вошли два врача, сестра и санитар. Взявшись за простыню, они приподняли тело над кроватью, поменяли белье, проверили пульс и частоту сердечных сокращений. Они прослушивали, трогали и светили в невидящие глаза. Потом вытащили длинную цилиндрическую трубку, закрепленную во рту девушки. Зрелище было ужасное.

Тело напряглось, выгнулось, содрогнулось.

Потом палата снова опустела, и девушка в кресле продолжила свое бдение. Она уже перестала ощущать вонь аммиака и латекса. Врачи ничего не говорили ей, и она перестала спрашивать. Девушка, прикованная к постели, была подключена к спутанному клубку трубок и проводов. Они тянулись от ее разбитого тела к нескольким мониторам и стойке для капельниц, походившей на стальное дерево, расцветшее пузырями с жидкостями для внутривенного вливания. Все пикало и гудело, но они обе не слышали этого. За проведенные здесь сорок восемь часов девушка в кресле прерывала свое дежурство, только чтобы сделать несколько шагов, поспать или сходить в туалет. Ее обычно безупречно уложенные светлые волосы теперь слиплись и потемнели от пота, грязи и засохшей крови.

Она сидела у мониторов, замороженная мерцанием разноцветных точек, загадочными графиками и особенно — колебаниями зеленой линии. Зеленая линия была важна. Девушка все это время почти ни разу не пошевелилась, пока детектив Акимото, появившись в дверях, не кашлянул, обращая на себя внимание. Она с трудом подняла на него взгляд.

— Прошу прощения, но мне нужно, чтобы вы на минуту вышли к нам.

Девушка обернулась к подруге: в тех местах, где вытаскивали трубку, губы, казалось, опухли и содранная кожа воспалилась.

Детектив открыл маленький черный блокнот. Несколько раз щелкнул ручкой.

— Пожалуйста, поскорее, — сказал он. Снаружи толклись еще люди. Копы.

— У нас есть несколько вопросов о вашей подруге и о... мистере Маркусе Редкине.

Марк.

Она медленно встала. Комната покачнулась.

— Да, сэр. — Она бросила еще один взгляд на волнистую зеленую линию.

Девушка в постели пришла в себя, по крайней мере — отчасти. Но никто этого не видел. Слова падали из открытого рта, бесшумно скатываясь по простыне на пол.

Но их никто не слышал.

17 сентября, четверг

Кейт

Я не патологическая лгунья и не лгу для того, чтобы поразвлечься. Я лгу лишь потому, что вынуждена. Точнее, я лгала всегда — потому, что всегда была вынуждена. Груз моей лжи не угнетает меня. Так что я в порядке. Вот и все, что можно сказать об этом. Ну, еще и то, что я хочу лучшей жизни. Хотя, постойте, это ложь. Я хочу *великолепной* жизни.

И вот еще что — меня любят собаки и маленькие дети, так что все как в дурацкой старой поговорке. Чокнутым богатым девчонкам я тоже нравлюсь. Я *тот самый* друг. Тот, которому говорят: «Как я раньше жила без тебя?» Или: «С тобой так весело и круто». Друг, которому можно поплакаться в жилетку. Я как спасательный круг, но за него приходится платить. Однако я отвлеклась. Люблю это слово: «отвлеклась». Оно звучит довольно пафосно, и его не так просто вернуть в разговор, как кажется.

Я долго наблюдала за ней.

Первые дни, пока шла охота, я пыталась не ошибиться. До головокружения знакомый ад: куда идти, кто есть кто, как не облажаться в новой школе — и так далее, и тому подобное. Но я умею сосредотачиваться и так, как не каждому по силам. Множество девчонок были изучены и отвергнуты. Слишком правильные, слишком обыкновенные, слишком сдружившиеся или будто отмеченные «поцелуем смерти»^[1] — отвергнутые всеми, хотя на первый взгляд они ничем не отличались от прочих. Я чувствую разницу. Прежде чем попасть сюда, я обработала большую часть старших классов в самых лучших частных школах для девочек. Я была стипендиаткой, пансионеркой. Девочкой, которую, уговорив родителей, приглашают домой на выходные и каникулы. У меня было где практиковаться.

Видите, я знаю, какие они на самом деле, девчонки, скрывающиеся под броней из «рендж роверов» и лубутенов. Они должны выделяться. Мой счастливый билет где-то здесь, в этом классе.

И вот в начале второй недели появилась она — натуральная блондинка, богатая и уже достаточно испорченная. Красивая, друзей особо нет, провонявшая лексапро, или паксиллом, или еще каким-нибудь антидепрессантом. То же самое можно было сказать о половине школы. Но эта — высший класс. Определенно, нечто. Оливия Мишель Самнер — если здесь не пахнет деньгами, то я не знаю, где пахнет. С ног до головы в шмотках из лучших универмагов Нью-Йорка, стильная и дорогая. Остальные девушки держали дистанцию, даже когда визжали: «С возвращением, Оливия!», «Ты вернулась!», «Вау! Рада тебя видеть!». Но они не были ей подругами. Это было совершенно ясно. Оливия скользила мимо, словно ею кто-то управлял. Здесь определено что-то скрывалось. Превосходно. У нас с Оливией Самнер был всего один общий урок — углубленный английский — но и этого оказалось достаточно.

Полюбуйся на меня. Смотри внимательно. Выживает сильнейший, детка.

18 сентября, пятница

Оливия

Покачивая головой, Оливия прижимала к уху телефон.

— Нет, папа. Все хорошо. Более чем хорошо, правда. Совсем как ты говорил.

Она расхаживала по модному, утопленному в пол, пространству гостиной. Когда это перестало успокаивать, поднялась в столовую, обошла стол из нержавеющей стали, свернула к библиотеке и, в конце концов, заглянула в каждую из четырех спален, все это время стараясь держаться подальше от кухни, где Анка гремела кастрюлями и проклинала кухонную технику от «Квизинарт».^[2]

— За всю неделю ничего не случилось. Правильно, что мы решили не переводиться. — Оливия снова вернулась в гостиную. — Нет, учителя не стали поднимать шум и в лучших традициях Вэйверли дали понять, что сделают все, что будет нужно.

Девушка уже совсем было собралась устроиться в плюшевом низком кресле, как вдруг выпрямилась и опять принялась расхаживать по комнате.

— Ну, как я и предполагала, с углубленным английским будет напряженно, потому что у меня опять мисс Хорнбэк. Слава богу, я уже прочла пьесу Олби и Кормака Маккарти. Но, возможно, мне понадобится репетитор, чтобы закрепиться на уровне заслуженных стипендиатов... Ты не против?

Где же эта книга Маккарти? Девушка вошла к себе в комнату, однако сразу забыла зачем, и снова вышла.

— Нет, на математике и физике я могу отвечать не задумываясь, ты же знаешь. — Теперь она находилась в спальне отца. Гладкий темный дуб и шерстяная обивка разных оттенков серого и бежевого дарили ощущение покоя. Ей это нравилось. Она любила эту комнату. У набросков Модильяни и Караваджо, разместившихся на темно-серых, обтянутых тканью стенах, сияла мягкая маслянисто-золотая подсветка, согревая комнату и создавая ауру безопасности — вроде той, что исходит от ее отца.

— Нет, никуда. Я уже с головой в работе. Понадобятся все выходные, чтобы это разгрести. Да. — Оливия кивнула. — Надо разогнаться.

В остальной части пентхауса главенствовало непостижимое современное бразильское искусство в сочетании с древними китайскими скульптурами. Создавалось впечатление, будто эту коллекцию тщательно собирали, и так оно, конечно, и было. Это сделала жена номер два. Но здесь, в этом раю, ее отец более всего вернулся к искусству традиционному и к самому себе.

— Нет, просто теперь каждую среду. Я говорила тебе вчера. — Девушка почти застонала. — Да, по-прежнему в пять пятнадцать. Слушай, это было предложение доктора Тэмблина. Он настроен более чем оптимистично. — Оливия поймала свое отражение в зеркале и отвернулась. — Конечно, да. Ты в любой момент можешь спросить у него. Я больше не стану отказываться от лекарств. Урок вполне усвоен. — Она стиснула телефон так крепко, что на ладони остался глубокий след. — Обещаю, никогда. Может, хватит об этом? У меня все хорошо, у нас все хорошо. Кроме того, здесь Анка, и она следит за мной как коршун. Так что давай, просто заверши все эти крупные международные сделки, чтобы нам хватило на оплату электричества в нашем дворце. — Оливия улыбалась, но чувствовала, как груз его

беспокойства давит на нее.

— Знаешь, — она опустилась на безупречную кровать, но сразу же встала, — все были милы со мной.

Который сейчас час? В животе заурчало. Ни Модильяни, ни вся эта серая обивка больше не успокаивали. Оливия снова принялась расхаживать по дому. В гостиную, потом к окнам от пола до потолка, тянувшимся вдоль всего пентхауса. Вид из окон завораживал: простор Центрального парка и манящие огни далекой «Дакоты»^[3] — Нью-Йорк у ее ног. Девушка почувствовала, как тревога постепенно отступает.

— Я почти никого не знаю из девочек, папа. В прошлом году они были в предпоследнем классе, младше на целый год, а прошлый год был... ну, это был прошлый год. Но они были милыми.

Были ли? Наверняка ходят слухи... Хотя какое это имеет значение?

— Да ладно, пап, это же Вэйверли. Тут у каждого свой мозгоправ на быстрой кнопке. — Небо сменило шелковистый фиолетовый наряд на строгий черный. — Уверена, я найду подружку. А если нет, это всего лишь на год, верно?

Больше всего ей нравилось чернильно-черное небо. Всегда нравилось. Оно успокаивало.

— Нет, я этого не говорила. Конечно, я найду друзей. Слушай, тебе обязательно оставаться в Чикаго до того, как ты улетишь в Сингапур? — Ей приходилось прикладывать усилия, чтобы сосредоточиться. — В воскресенье? Отлично, пап! Анка знает? Хорошо, я скажу ей. Нет, я бы лучше сходила в нашу любимую кафешку. Я позвоню.

Оливия снова вернулась к креслу.

— В половине восьмого нормально? — В желудке пульсировала пена. Однажды Оливия описала эту пену как нечто розовое, смесь теплой крови и слюны. — Да. Нет, будет здорово, пап. Жду с нетерпением.

Доктор Тэмблин сказал, что лекарства в конце концов помогут и от этого. Еще он сказал, что Оливия обязательно должна принимать их вовремя.

— Конечно. Хватит, пап... Со мной все будет в порядке. Я тоже тебя люблю. — Девушка положила трубку. На этот раз она опустилась в кресло.

И стала ждать.

— Оливия? Вы больше не говорить по телефону с мистером Самнером? — Вытирая руки о передник, в гостиную вошла Анка. У домработницы была внушительная коллекция передников. — Разве не пора пить таблетки? Уже шесть тридцать. А надо шесть, нет? Принести воды? Оливия?

Девушка хотела сказать Анке, чтобы та отстала. Она сама знает свое расписание.

Но она кивнула, вздохнула и стала ждать, когда же *почувствует* что-нибудь. Что угодно.

21 сентября, понедельник

Кейт

Я живу почти что в сточной канаве.

Прыжок из канавы в сторону приза Йельской начинает выбивать меня из колеи, и поверьте, это кое о чем говорит.

Я заслуживаю лучшего. Намного лучшего.

В этом году я стала стипендиатом Вэйверли, а таким малышам полагается приличная стипендия. Кроме того, по утрам я занята в школьной администрации и каждые выходные работаю как лошадь по две десятичасовые смены на рынке. И тем не менее эта крысиная нора — лучшее, что я могу себе позволить. Последние несколько месяцев моим домом был переоборудованный склад «Китайского рынка и аптеки Ченья». Но денег все равно остается мало. Даже в Чайна-тауне стрижка стоит убийственно дорого: волосы, ногти, макияж — сплошные расходы. Я уже молчу об украшениях. И не знаю, что бы я делала без школьной формы.

В Вэйверли, конечно же, не знают о «Рынке Ченья». Они думают, я живу со своей несуществующей тетужкой. Я во всех других частных школах была пансионеркой, но в Вэйверли нет пансиона. Зато у них лучшая по стране статистика студентов, принятых в самые известные колледжи. Проблема в том, что приглашение должно прийти на какой-то адрес. Потому я и вынуждена была оказаться в этой канаве. Как я уже сказала, я вру, только когда приходится, а приходится часто.

Я не распаковывала вещи. И не буду. Это временно. Кроме того я боюсь, что слизь, стекающая по стенам, в сочетании с вонью гниющей капусты пропитает мою новенькую, купленную в секонд-хенде форму. У меня есть железная кровать, покрытая рваным бельем с изображением человека-паука, маленький круглый стол, один алюминиевый стул, приличное зеркало, подставка под телевизор, которую я использую как ночной столик, изъеденный ржавчиной умывальник и напольный кухонный шкаф, на котором стоит двухконфорочная открытая плитка, какие использовали полвека назад. Я жила и в худших условиях, как в те времена между кошмарами приюта и пансионом, но теперь это сложнее вытерпеть. Я знаю, что может предложить мне мир, и я хочу этого.

Настораживает то, что я, очевидно, не понравилась миссис Чень. Мне не нравится, когда я кому-то не нравлюсь. Это заставляет меня нервничать. «Нравиться» — самое верное оружие в моем арсенале. Первый аргумент в пользу того, что я ей не нравлюсь — а я их тех, кто может служить витриной любого магазина — это то, что госпожа Чень обычно отправляет меня к заднему крыльцу разгружать китайскую капусту и манго. Обидно, но мое обаяние вдребезги разбивается о крохотную, обутую в шлепки миссис Чень, а мистер Чень, кажется, живет в страхе перед ней. Так что я беру пример с него: таскаю коробки, сортирую овощи, развешиваю ценники и остаюсь невидимой. Знаю, я не первая школьница, попавшая в кабалу к Чень ради комнаты в подвале, но я без сомнения их первая ученица Вэйверли и их первая белая цыпочка — «гуайло», так они называют меня между собой. Думаю, это значит «призрак», или «иностранка», или еще что-нибудь подобное. И то, и то прекрасно. Плюс в том, что я питаюсь действительно хорошо, хотя и обжорусь в основном овощами и фруктами. Я научилась ловко управляться с воком, а моя кожа никогда не выглядела лучше.

Я готова убить за бифштекс.

По сравнению с этим работа в Вэйверли — отдых в спа «Каньон Ранчо». Классные комнаты и лекционные залы обеспечены беспроводной связью и оснащены новейшими электронными досками и приложениями, но хранение данных организовано прямо как в Хогвартсе. В прошлом году даже наняли консультанта, и я помогаю с рутинной работой, перевожу все их бумажные архивы на облачные серверы.

И мне нужен доступ к этой системе.

На работу я всегда являюсь первой, без пяти семь. Мне открывает мистер Джефферсон, менеджер по обслуживанию зданий, или, другими словами, главный уборщик. Даже мисс Дрейпер, секретарь и образцовый трудоголик, не появляется раньше пяти минут восьмого. С ней мой коэффициент привлекательности подскакивает до потолка и неплохо работает со всеми прочими в администрации, включая директора, мисс Гудлэйс, завуча старших классов, мистера Рольфа, завуча младших классов, мисс Келли, ведущего преподавателя и школьного психолога доктора Крюгер, и, что самое важное — администраторов мисс Шупер и миссис Колсон. В каждой школе есть своя мисс Шупер или миссис Колсон. Обе дамы старше господ бога, и вся власть сосредоточена в их руках, поскольку они знают обо всех скелетах в шкафу. У них есть компромат и на учащихся, и на персонал. Тщательно рассортированный, он надежно спрятан под аккуратно уложенными волосами.

Персонал и администрация Вэйверли все еще надеются на долгожданное появление какого-нибудь пробивного, нечеловечески умного специалиста по привлечению спонсорских средств, который поведет их к успеху. Но мистеру Рольфу придется еще немного побарахтаться в женском коллективе Вэйверли в одиночку — мистер Марк Редкин, едва прибыв, тот час же умчался на северо-восток, на конференцию о будущем независимого школьного обеспечения.

Сегодня, ворвавшись в дирекцию, Дрейпер сразу же обратилась ко мне.

— Ваша инициатива достойна восхищения, Кейт. Изо дня в день вы по-прежнему приходите раньше меня. — Она присела на край стола Шупер, где я разложила свои папки. У Дрейпер было поджарое, как у гончей, тело, что делало ее несколько мужеподобной. Кажется, ей было неизвестно о том, что после сорока приходится выбирать между лицом и фигурой. Я вслушалась в ее парфюм. Верхней нотой звучал «Оранж Блоссом» от Джо Мэлоун. Вся школа была влюблена в этот аромат. Его можно было бы сделать частью формы — наряду с баклажанного цвета пиджаками и серыми плиссированными юбками. Под «Оранж Блоссом» намеком угадывался дорогой шампунь вроде того, который можно купить в салоне «Видал Сассун». Резкая градуированная стрижка подходила к ее резким, четко очерченным костюмам. Об эту женщину можно было порезаться. Из-под парфюмерных ароматов пробивался запах черного кофе, мятное дыхание и легко узнаваемая вонь сигарет «Кэмел». Мой старик курил «Кэмел».

Наша секретарша была тайной курильщицей. Кажется, Дрейпер ждала моего ответа. Однако я проигнорировала эту неловкую попытку комплимента.

— Просто пытаюсь быть полезной, мэм.

— Вам это удалось в рекордные сроки. С вашей помощью этот офис возродится к новой жизни. А когда сюда вернется мистер Редкин... — Она замолчала, на секунду задумавшись. — Ну, я просто хотела сказать, что мы очень довольны вами.

Я покраснела. Обычно это срабатывало.

— Спасибо, мэм.

Дрейпер кивнула, прежде чем прошагать в свой кабинет, где стоял самый важный секретарский компьютер. Это моя цель на завтра. Мне придется прийти к половине седьмого. Все, что мне нужно знать, находится там. Кое-кому в Вэйверли пригодился бы квартирант, который заполнил бы пустоту его существования. Я надеялась, что этим кем-то станет Оливия Самнер. Я предвидела это. Хорошую жизнь. Беспрепятственный путь к успеху.

Меня ничто не остановит.

22 сентября, вторник

Кейт

06:34

Полудохлый компьютер загружался целую вечность. Я знала, что мисс Шупер и миссис Колсон привязаны к своим музейным экспонатам и терпеливо ждут, когда эти цифровые монстры издохнут окончательно, но как Дрейпер справлялась с таким бронтозавром? Вся приемная выглядела, словно рекламный ролик для Майкрософт 1993 года.

Так, так, иди к мамочке. Давай. Отлично! Личные дела студентов Вэйверли... Наконец-то! Файл пролистывался медленно, по одному параграфу, но я смогла его открыть. Личные дела были упорядочены по алфавиту и году окончания школы. Стало интересно, что написано в моем личном деле? Но времени посмотреть не было. Так, так. Я даже не включала свет, боясь, что мистер Джефферсон может заглянуть и проверить. Каждый скрип старого дубового пола заставлял желудок сжиматься. «Оливия Мишель Самнер», — ввела я и задержала дыхание, пока экран, загружаясь, привычно завис на пару-тройку лет. Кто так работает? С этим? Грузится, грузится...

Есть!

Это была стандартная сухая регистрационная запись, но к ней также было одностраничное приложение.

Личное дело учащегося

ОТЧЕТ ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

ИМЯ: Оливия Мишель Самнер

НОМЕР: 624501

ДАТА РОЖДЕНИЯ: 2 сентября 1997 года

ПОЛ: женский

УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ: школа Вэйверли

ОТЕЦ: мистер Джефффри Самнер

МАТЬ: миссис Элизабет Самнер (урожденная Уиттакер), покойная

НА СОБЕСЕДОВАНИИ ПРИСУТСТВОВАЛИ: доктор Эвелин Крюгер, доктор Рассел Тэмблин, мистер Джефффри Самнер

ПРИМЕЧАНИЕ: Учащийся провел десять недель в стационаре и шесть — на амбулаторном лечении в клинике Хьюстона.

ОЦЕНКА ТЕКУЩЕГО СОСТОЯНИЯ: согласно заключению клиники, предоставленному доктором Тэмблином, в соответствии с политикой возвращения в прежнюю среду, существующие психологические проблемы полностью преодолены.

ЦЕЛИ/ПРОЦЕДУРЫ: не требуются.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И РЕКОМЕНДАЦИИ: доктор Тэмблин и мистер Самнер потребовали, чтобы детали краткой аттестации и восстановления в школе были засекречены. Во избежание разглашения конфиденциальной информации все запросы отныне запрещены. Доктор Армстронг одобрил принятые меры и заверил мистера Самнера, что мисс Гудлэйс, директор школы, также выражает свою поддержку.

Доктор Э. Армстронг 4 сентября

Что они засекретили? Должно быть что-то интересное. Хм, покойная мать... Я задумалась над этим, но вдруг поняла, что уже 6:46 и мне пора начать утомительный процесс разлогинивания. Ну что же, я нашла неплохую информацию, хотя и не понимаю пока, что именно я нашла. Оливия побывала в клинике? И что? Я хочу сказать, это не что-то выдающееся само по себе. Анорексия, алкогольная или наркотическая зависимость — дежурные проблемы в частных школах, хотя нервные расстройства и депрессии быстро вышли на лидирующие позиции. Был ли это тот самый случай? Или нечто другое?

Когда раздались легко узнаваемые шаги мисс Гудлэйс, я уже спокойно разгружала коробки с папками для предварительной сортировки. Мне не нужно было оборачиваться. У директора школы была серьезная, солидная поступь под стать ей самой. Изю дня в день она надевала лишь лодочки «Стюарт Вейцман» на пятисантиметровом каблуке, древние как моя жизнь. Вот только каждый день они были разные. Я обращаю внимание на такие вещи. Гудлэйс должно быть закупила пар сто, когда они были в моде лет пятьдесят назад, и с тех пор носила их, меняя по кругу. Сегодня она явилась рано. Даже Дрейпер еще не пришла.

— Доброе утро, Кейт. Надо же, как вы рано.

— То же можно сказать и о вас, мэм.

— Туше. — Она почти улыбнулась, хотя за озабоченным выражением лица это было едва ли заметно. — Долгожданный специалист по связям с общественностью наконец-то прибыл, и я хочу подготовиться к нашей встрече в девять. Совет и, конечно же, администрация, — она откашлялась, — с нетерпением ждали его появления.

— Ну, денежные сборы — жизненная основа таких школ, как эта. Я поняла это, еще когда училась в других местах.

— В самом деле? Да, да, вы правы. — Директор помолчала. — И я уверена, мистер Редкин станет ценным активом. Ну, теперь вы знаете, почему я пришла так рано. А почему так рано пришли вы?

— Очень много работы, одной только сортировки. В ящиках такой кавардак. Просто что-то невероятное! — Для пушшего эффекта я свирепо уставилась на коробки.

— Кейт, вы наша учащаяся, а не раб. — Она посмотрела в ту же сторону. — В конце концов, я не могу допустить, чтобы люди считали, будто мы вас эксплуатируем.

— Думаю, мы обе знаем, что это никого не волнует, мэм.

— Вовсе нет, Кейт. Вовсе нет, — сказала она, уходя. — Меня волнует.

Гудлэйс была приличным человеком, как и все люди такого типа, так что, может быть, ей действительно было не наплевать. Но этого недостаточно. Я знала по опыту. Для того чтобы окончить год и достичь желаемого, мне требовалось гораздо больше. Мне нужно было, чтобы Оливии было не все равно.

— Да, мэм. Спасибо, мэм, — проговорила я ей вслед.

28 сентября, понедельник

Оливия

Выглядело это так, будто платяной шкаф Оливии стошнило на кровать. Пять темно-бордовых школьных пиджаков, от очень приталенных до скроенных в мужском стиле, и от новеньких с иголки до очаровательно поношенных, сражались с одиннадцатью кипенно-белыми рубашками родом скорее из «Барнис», чем из магазина для школьников. Из-под этой кучи выглядывали четыре юбки-шотландки серой шерсти с обязательной серебряной булавкой от Тиффани — короткие и очень короткие, и крысиное гнездо темно-бордовых галстуков в серую полоску. Была там и небольшая гора колгот самых разных оттенков и плотности — она так и не распаковала их, и едва ли когда-нибудь распакует. Старшеклассницы ни за что не наденут колготы даже в разгар метели, а тем более — осенью. Старшеклассницы носят гольфы с резинкой, растянутой настолько, что их постоянно приходится подтягивать вверх. Это была униформа внутри униформы — такие вещи вечны.

Оливия смяла одну из белоснежных рубашек, а потом еще и села на нее, натягивая свои мешковатые гольфы. Покончив с этим, она заправила свежепомятую рубашку во вторую из своих самых коротких юбок и потянулась за самым приталенным пиджаком. Это было ее третье переодевание, и на этот раз все было правильно — точное соотношение ухоженности и небрежности.

Так повторялось из раза в раз. Ровно тридцать пять минут под обжигающим душем, и она спешно сортирует и отбрасывает содержимое гардероба. Сделав наконец выбор, девушка мчится обратно в ванную, где тридцать семь минут занимается укладкой и макияжем, после чего выглядит посвежевшей. Чтобы сэкономить пару минут, она заглатывает свои лекарства вместе с зеленым смузи, который на скорую руку готовит ей Анка. Завтрак окончен, горничная плетется в комнату Оливии, чтобы убрать одежду в шкаф, пока Оливия втискивает ноги в маловатые-ровно-на-размер и как-надо-потертые «мартенсы» и хватается свой черный рюкзак от «Прада». Она «идеальна». Не то чтобы это имело значение. Просто это вошло в привычку.

Перед тем как убежать, Оливия всегда кричит: «Окей, я ушла. Пока, Анка! Хорошего тебе дня!» И Анка, глубоко зарывшаяся в гардеробной, всегда отзывается: «Удачи, мисс Оливия. Храни тебя бог». Ни одна из них не слышит, что именно ей говорят, но каждая уверена, что ей пожелали полного чудес дня.

Вэйверли, красивый старый каменный особняк, располагался в паре кварталов от дома, на Пятой авеню. Оливия всегда использовала эту пешую прогулку, чтобы подготовиться. В этом году она даже пару раз молилась по пути туда. Это было ново. Молитвы не входили в программу когнитивно-поведенческой терапии, предписанной ей в прошлом году в клинике Хьюстона, но ими увлекалась соседка по палате, Джеки, у которой было обсессивно-компульсивное расстройство в терминальной стадии и порезы. Джеки утверждала, что это помогает от «капканов» в голове, да и чем могла навредить молитва? Сочтя это рассуждение здравым, Оливия с безразличным энтузиазмом стала изредка молиться.

Она скользнула в богато украшенные резьбой двери Вэйверли, прошла мимо своего шкафчика прямо к кабинету углубленного английского мисс Хорнбэк. Оливия кивнула,

улыбнулась и сказала «привет» всем правильным девочкам. Она даже изобразила интерес, когда Мэдисон Беннер рассказывала с нервным придыханием о новом сказочном специалисте по связям с общественностью.

— Погодите, вы его еще не видели! О боже! Нет, правда. За сотню лет здесь не было никого круче!

— Все так говорят. Не терпится взглянуть! — Оливия произнесла это с завистью в голосе — это именно та эмоция, которую от нее ждали. Маленькая, ничего не стоящая победа.

Она собиралась с духом в ожидании английского и Сильвии Плат.^[4] Плат у Оливии «не пошла», хотя должна была бы, и от этого замысловатость ее стихов раздражала лишь сильнее. На уроке должны были обсуждать «Леди Лазарь». Оливия могла бы проанализировать эти стихи, но для Хорнбэк, которая всегда хотела, чтобы ее ученики воспринимали материал эмоционально, на разрыв аорты, этого было недостаточно.

Оливии придется нанять репетитора, и очень скоро.

— Пристегните ремни, вас ждет вынос мозга.

Это была новенькая стипендиатка, с Запада или откуда-то оттуда. Оливия уже успела заметить, как другие старшеклассницы оценивали ее, выносили вердикт, и наконец начали за нее борьбу. Девушка принялась рыться в своей сумке: «Хлоэ», из прошлогодней коллекции, но тем не менее — «Хлоэ». Она, вероятно, была гением, раз сумела выделиться в школе, где гениев было — не протолкнуться.

— Думаешь? Я этого не перенесу, — ответила Оливия. — Я и Плат катастрофически несовместимы.

У стипендиатки были шикарные волосы. Золотисто-пепельные, как и у большинства девушек в школе, но уложенные в свободную прическу вроде пляжной — чуть-чуть небрежная, чуть-чуть оконтуренная. Превосходно. Вспомнив о Плат, Оливия вновь почувствовала раздражение.

Стипендиатка сочувственно закатила глаза. И даже эта гримаса шла ей.

— Плат для меня — слишком просто. Чтобы понять ее, нужно быть с сумасшедшиной.

И она умело носила пиджак. Может быть, купленный в секонд-хенде, но в модном мужском стиле. Девушки все еще теснились у стульев в задней части маленькой лекционной комнаты.

— Меня зовут Оливия.

— Я знаю. — Стипендиатка улыбнулась. — Я запомнила тебя с первого занятия. Тебя трудно не заметить. — Она повернулась к Оливии. — А я Кейт.

— Ну, что ж, Кейт... Поэзия... Плат. Ты действительно ее понимаешь?

— Конечно. — Кейт пожалала плечами. — Я писала по ней вступительное сочинение, и, очевидно, этого было достаточно, чтобы я оказалась здесь. А вот с физикой я не справляюсь.

И именно в этот момент Оливия, не принимавшая спонтанных решений с момента возвращения в Вэйверли, решила, что пора пришла. Не было ни взвешенной оценки, ни размышлений о последствиях.

— Физика? — переспросила она. — Физика — легкотня. Думаю, мы что-нибудь сообразим.

Оливия села и похлопала по соседнему месту.

2 октября, пятница

Кейт

Шаг первый, контакт — полный успех. Шаг второй — снова встретиться в библиотеке для повторения углубленной физики — даже лучше. Было немного сложно притвориться, будто я не улавливаю объяснений Оливии. Грань между легким непониманием и безнадежной тупизной очень тонка, гораздо тоньше, чем можно было бы подумать. К концу занятия я заставила Оливию почувствовать себя дипломированным педагогом. Она пригласила меня к себе в воскресенье вечером, чтобы я могла отдать долг разбором «Леди Лазарь». Так что, как ни крути, я в выигрыше. Умница.

И тем не менее.

На это не проживешь. Я сидела в темноте, на спайдерменовских простынях, пытаюсь думать о другом: об Оливии, о том, что смогу получить, о... ну, обо всем остальном. Меня это нервирует. Грядущие перемены. И много что другое. Я ничего не могу поделать с этим. Я не хочу, чтобы меня засосало обратно, но снова и снова возвращаюсь назад. Я слышала, как дождь стучит о металлические листы крыши сарая на заднем дворе. Мне надо было позаниматься. Надо было заняться ногтями... но я не могла. Я отталкивала это, но оно накатывало снова — доказательство, память. Видите ли, я лгала даже тогда, даже когда мне было десять.

Окна в облупившихся деревянных рамах были высотой в два с половиной метра. В них было то старое, волнистое на вид стекло, которое не защищает от холода, но очень красиво преломляет солнечные лучи. Урок еще даже не начался, но меловая пыль уже кружила и кувыркалась в длинных узких лучах плененного солнца. Меня всегда завораживали такие вещи. Но не в этот раз. В этот раз я стояла навтыяжку перед учительским столом. В первом ящике слева хранились мел, тряпки, коробка с карандашами НВ и скрепками. Ремень занимал весь второй ящик, а Библия и четки с розовыми хрустальными бусинами были внизу.

— Ну знаете, дело в том, что... монашки всегда хуже всех! — Я переступила с ноги на ногу. — Без обид.

— Я и не обиделась. — Сестра Роза улыбнулась. — И что, Кэти?

— Ну, знаете, они... вы все так суеитесь, особенно в пятницу, перед Днем отца. Все меня жалеют и смотрят с такой притворной печалью.

Этого было бы достаточно для миссис Котер, моей учительницы в четвертом классе в Сент-Дэвиде. Сестра приподняла хорошенькую бровь.

— Но ложь — это грех, Кэти.

Сестра Роуз была жестче, чем казалась.

— Но сестра, это не ложь. Правда. Все, чего я прошу, чтобы мне разрешили делать то, что я делаю каждый год. Вы сказали, это действительно трогательно и все такое, когда я вам об этом недавно рассказывала. Помните?

Сестра кивнула.

— Я сделаю открытку, как и все остальные. Потом, после школы, я пойду в Проспект-парк, папин любимый парк, и потом, потом я зарюю открытку в клумбу на углу. А потом я поздравлю его с Днем отца! — Я улыбнулась ей улыбкой, над

которой работала с шести часов двадцати минут утра.

Сестра вновь вскинула бровь.

— А потом я помолюсь о спасении его бессмертной души.

Я взглянула на часы: 8:25. Звонок прозвенит в 8:30.

— Так что говорю вам... то есть прошу вас... раз это для меня новая школа, не могли бы мы, пожалуйста, только один этот раз не говорить всему классу, что бедный папа Кэти умер? И чтоб они потом не стояли на перемене, по пятнадцать раз перебирая четки и считая свои благословения вслух. Я не хочу, чтобы они жалели меня, и я ужасно не хочу, чтоб они меня смертельно возненавидели из-за дурацких розовых четок. Без обид. Простите, сестра.

— Я не обиделась. — Она похлопала меня по руке.

Мягкие руки сестры Роуз всегда, вне зависимости от обстоятельств, были прохладными. Это как дар божий.

— Видите? Мы не врем, правда. Это даже не ложь бездействием, ведь никто не станет спрашивать. Понимаете? Просто не надо самим говорить об этом.

Сестра Роуз опустила взгляд на руки. Тень от ресниц, казалось, закрыла половину лица.

— И, и... я неделями молилась об этом... так сильно... и, ну, и я думаю, Иисус не будет против.

Сестра закусила нижнюю губу и нахмурилась. Она делала так всегда, когда пыталась сдержать смех.

— Кэти, ты невозможна.

— Так и моя мама говорит, сестра. Она покачала головой.

Я выиграла. Звонок прозвенел.

— Хорошо, Кэти. — Она вздохнула. — Мы не будем говорить о твоём погибшем отце. Не будет никакой общей молитвы. — Она снова опустила на мою руку свою мягкую, прохладную ладонь. — Это будет наш маленький секрет, Кэти. Не ложь, а секрет.

Можете отдать мне должное. Я была хороша.

Мы занялись открытками сразу после религиоведения. Я работала над своей вместе с Марией-Катериной. У Марии-Катерины была возвышенная артистичная душа, прямо как у меня. Так что мы стали лучшими подружками практически с первой моей недели в Сент-Рэймонде. Мария-Катерина знала обо всем. Ну, за исключением того, что я очень хотела, чтобы мистер Сазерленд, отец Марии-Катерины, был моим отцом.

Иногда я хотела этого так, что мне даже было плохо.

Он был таким славным папой.

Мистер Сазерленд был важным бизнесменом. У него было четыре разных костюма и темно-коричневый портфель с потертыми ручками. Он работал в отдельном кабинете в одной из этих башен на Уолл-стрит. Его офис располагался на тридцать четвертом этаже! После уроков мы с Марией-Катериной собирались навестить его в его личном кабинете — он должен был отвести нас на ланч.

Так он сказал.

Мистер Сазерленд звал меня «вышибала», потому что я играла в женский

бейсбол в команде «Пираты Кристи». Я была тоже очень артистичной и спортивной. Редкое сочетание. Так утверждал мистер Сазерленд. Иногда, когда мы приходили домой пораньше, он наливал всем троим по большому высокому стакану кока-колы со льдом и затем расспрашивал нас о школе, или о друзьях, или просто о разном. Он и меня спрашивал, не только Марию-Катерину.

Я ненавидела кока-колу.

Но я выпивала все до капли и всегда говорила: «Спасибо, мистер Сазерленд!» А он всегда подмигивал мне и отвечал: «На здоровье, вышибала».

Как бы там ни было, мы с Марией-Катериной не покладая рук работали над самыми фантастическими открытками во всем классе. Отец Боб говорил, что Бог кроется в мелочах. Все, что мы делали, едва не лопалось от божественного присутствия. На лицевой стороне моей открытки было написано «Ты мой герой», а внутри, на полосатой раскрывающейся закладке — «С Днем отца ЛУЧШЕГО папу в мире».

После школы я направилась прямо в парк. Я выглядела очень печальной.

Нельзя было ручаться, что сестра Роуз не отправится прямо за мной в школьном автобусе или как-нибудь еще.

За оранжевыми розами и как раз перед желтыми кустами осталось пятнышко голой земли. Я вырыла линейкой ямку, затем сложила открытку и закопала ее. И перекрестилась. Не быстрым движением прямо перед грудью, а размашисто — просто на всякий случай.

Я помолилась. Не за отца.

За Марию-Катерину.

Я молилась о том, чтобы Господь в своей бесконечной мудрости нашел способ сделать мистера Сазерленда моим отцом. И чтобы он сделал это, не причиняя вреда миссис Сазерленд, которая была довольно милой, или Марии-Катерине, моей самой лучшей подруге, или моей матери, которая и так уже ужасно страдала. Спасибо большое. Аминь.

Я много молилась, когда мне было десять. С тех пор я не молилась ни разу.

4 октября, воскресенье

Оливия

Это должно было стать вечеринкой для избранных, и раньше для Оливии это имело значение, по крайней мере, отчасти. Но не теперь. Сюз Ширдаун и Эмили Вонг устраивали тусовку по случаю дня рождения Александры Морены, чьи родители оставались в Колумбии. Лучшие ребята из Вэйверли и Ригби, партнерствующей с Вэйверли школы для мальчиков, собирались туда. Александра была безобидна и мила в своей особой незаметной манере. Иначе говоря — скука смертная. Но Оливия отказалась идти не поэтому.

Она не раз бывала на таких вечеринках, устраивала такие вечеринки, рулила ими. Оливия вздохнула, проглотила таблетки и отправилась бродить по пентхаусу. Она всеми силами боролась за то, чтобы восстановиться в двенадцатом классе именно в Вэйверли, а не где-либо еще. Отец, как делал это для нее всегда, сгладил все острые углы, и восстановление прошло без вопросов. Почему она *была* так одержима возвращением? Она не могла вспомнить. Это не имело значения. Оливия сохраняла дистанцию, но когда было нужно, имитировала образцово-показательное хихиканье и взвизги поддельного ужаса, притворное негодование и притворную симпатию — все фирменные знаки любой частной школы для хороших девочек. Это было просто.

Оливию смущало то, что она чувствовала себя намного старше других девочек. Конечно, некоторым из них было уже восемнадцать, но, скользя по коридорам Вэйверли, Оливия чувствовала себя сорокалетней. Желания участвовать в вечеринке это не прибавляло. А отсутствие свиты отбивало его окончательно. У Оливии больше никого не осталось. Ее бывшие лучшие подруги, Анита, Гвен и Джессика, уехали учиться в колледж. О, конечно же, они послали друг другу цветы как по расписанию и все еще время от времени обменивались эсэмэсками и переписывались, но только на Фейсбуке, так что... сами понимаете. Оливия не могла показаться на вечеринке в одиночестве. Ей нужна была по крайней мере одна подруга. В двенадцатом классе не нужна толпа подруг, оставим это для десятиклассниц. Одной будет достаточно, одной потрясающей девушки, и Оливия была практически уверена, что Кейт подойдет. Вместе они сделают пару правильных выходов на избранные вечеринки.

Она взглянула на свои часы — отцовские «Ролекс». Очевидно, в этом году мужские часы были все еще в тренде. Оливия сама дала начало этому тренду прошлой осенью. У ее отца была обширная коллекция, но он носил только «Картье», которые подарила ему мать Оливии. Кейт никогда не носила часов. За исключением этого она была полностью в тренде, а может, и впереди него. Хороший знак. А ее кажущееся равнодушие к подобной ерунде было еще лучше.

Уже прошел месяц, а Кейт не прибилась ни к одной клике, хотя большая их часть явно была не прочь заполучить ее. Опытная, начитанная и красивая — хороший расклад, но бедность и таинственность притягивали уроженок Вэйверли как валерьянка — кошек. Кейт переходила из аудитории в аудиторию — неизменно вежливая, иногда забавная — и, кажется, не обращала внимания на их предложения. Но через час она должна была прийти сюда, и Оливии это было приятно. Возможно потому, что Оливия чувствовала — Кейт тоже была «слишком стара» для своего возраста. Что-то заставило ее повзрослеть. И это сближало их.

Все налаживалось.

И тем не менее, дабы подкрепить свою уверенность в этом, в 6:50 она направилась в свою комнату к импровизированному алтарю. Зажгла свечу с ароматом лаванды и установила золотое распятие, которое дала ей Анка. Почти все, что Оливия знала о Боге и Библии, было почерпнуто из бессвязных разговоров с соседкой по комнате в Хьюстоне, от Анки и из передач Христианского телевидения («*CTS* — телевидение, в которое можно верить!»). В итоге пресвитерианство слилось с баптизмом и вдобавок причудливо смешалось с католичеством. Оливия уже почти что забросила молитвы, но ей все еще нравилось зажигать свечу.

В дверь позвонили. Она услышала, как, шаркая, Анка направилась открывать. Оливия задула свечу, проверила в зеркале улыбку и вышла поприветствовать свою новую лучшую подругу.

4 октября, воскресенье

Кейт

Я села в метро. Ненавижу метро. Оказываясь в общественном транспорте, я чувствую себя нищей. Если бы у меня был выбор, я бы ходила в школу пешком, но от Чайна-тауна до верхнего Ист-Сайда почти два часа пути. Два часа и две разных планеты. Иногда мне приходилось добираться домой пешком. В плохие дни. Оливия жила всего в паре кварталов к югу от школы. Отлично.

Меня поприветствовал консьерж, выглядевший, словно карикатура из «Нью-Йоркера». «Меня зовут Афтаб» был облачен во все регалии верхнего Ист-Сайда: шляпа, золотая тесьма и медные пуговицы на униформе — этот наряд не стал со временем лучше.

— Мисс Самнер ожидает вас, мисс О'Брайан.

Афтаб бегом ринулся вокруг стола к лифту и нажал на кнопку с буквой «П». Должна ли я дать ему на чай?

— Спасибо, сэр, — сказала я закрывающимся створкам.

Я вздрогнула, когда двери лифта разъехались. Мать божья, это был пентхаус! Мне открыла женщина славянской внешности. Кажется, она обрадовалась, увидев меня.

— Добрый вечер, привет! Меня зовут Анка. — Когда она улыбалась, верхний левый резец сверкал золотом. — Проходите, пожалуйста.

Тучное тело Анки венчала сильно вытянутая вверх голова. Этот довольно экстравагантный оптический эффект лишь усиливался прической: плохо окрашенные, черные как смоль волосы были зачесаны на макушку. Казалось, волосы парят над ней, как восклицательный знак.

Она мне сразу же понравилась.

Оливия возникла как будто ниоткуда, а Анка исчезла в никуда. Я по-прежнему стояла, словно пригвожденная к мраморному полу.

— Давай, давай! — Она взяла меня за руку. — Ты ела? Я не ела. После окончания смены у меня не осталось на это времени.

— Да.

— Ну, боюсь, тебе все равно придется угождать Анке. Она наготовила еды на польскую армию. — Оливия склонилась ближе. — Это вроде лакмусовой бумажки. Анка ставила этот эксперимент на всех моих друзьях: веганах, тех, кто страдал булимией, расстройством пищевого поведения или непереносимостью лактозы, или просто не ел продукты с глютенном.

— Не могу винить ее за это.

— О, я тоже! Все это такая скука, ведь правда?

Оливия стиснула мою руку и протащила меня через прихожую в комнату, которая, казалось, парила над Центральным парком.

— Вау.

Мой взгляд скользнул по пухлым встроенным диванам в притопленной в пол гостиной, декорированной неброским камнем и необработанным деревом. А картины! Словно прогулка по Музею современного искусства.^[5] Мраморный пол прихожей уступил место сланцу и мягким серым и карамельным тонам сидений. Сверкающее стекло и теплая желтая

подсветка были словно отражением безмолвных огней парка напротив.

— Это так романтично.

Оливия оглядела комнату, будто видела ее впервые.

— Ты понравишься моему папе!

— У вас большая квартира?

— Я не знаю. — Оливия пожала плечами. — Тут три спальни, кабинет отца, кухня и кладовая, три... нет, три с половиной ванных комнаты. — Казалось, она мысленно строит план этажа. — И комната Анки, конечно же. Всё.

Боже, я могла бы вселиться сюда, и никто бы и не заметил.

— А я уж думала — не увижу ничего круче лифта.

— Не смейся меня.

— Защитная реакция. Привычка, — пояснила я. — Обезоруживаю обаянием. И не говори, что я тебя не предупредила.

— Своевременное предупреждение. Кстати, об обаянии, ты не видела этого мега-финансиста? Ты ведь работаешь в администрации, верно?

— Директора по связям с общественностью? Нет. Пока нет, я прихожу и ухожу, до того, как появляется он. Но я тебе ручаюсь, это какой-то сексуальный тайфун. Дрейпер поменяла духи, а Колсон и Шупер обе купили помаду новых оттенков и постоянно поправляют макияж.

— Ха! Вот это круто. — Она улыбнулась? Оливия Самнер улыбалась не часто. — Давай, идем в капитанскую рубку, к Анке на кухню.

Кухня в противоположность гостиной сверкала белым на белом. Отделанная тем же каррарским мрамором, что и прихожая. Мрамор на стенах, рабочих поверхностях и на полу. Даже у кухонного стола была мраморная столешница. Это должно было наводить на мысли о стерильности, но вместо этого интерьер казался приветливым и уютным. Ноутбук Оливии, книги и тетрадь лежали на дальнем конце стола, а в центре было установлено блюдо, заваленное нарезкой салями, паштетами, сырами и багетами. Желудок у меня заурчал. Лучше бы он так урчал при виде жареной пекинской капусты и брокколи.

— Как прошли выходные? — спросила я. — Вечеринки нон-стоп?

Оливия остановилась перед хитроумной кофе-машиной.

— Не мой стиль, — ответила она, пожимая плечами. — По крайней мере, не теперь. А как насчет тебя?

— Честно говоря, вечеринки меня мало заботят. Я наблюдала, как она воспримет это.

— Кофе? Эспрессо? Капучино? Чем травишься? — спросила она.

— Душу продам за двойной эспрессо. — Я подошла к ее ноуту. — Это как раз Плат открыта? — Оливия кивнула, потянувшись за крохотными чашками и блюдцами. — Хорошо. — Я щелкнула по тексту. — Тогда пока ты играешь в баристу, я начну.

— За это я тебя и кормлю и развлекаю. Кстати, я и сама люблю двойной эспрессо.

— Вау! — Конечно, она любила двойной эспрессо. Такие вещи я определяю с пятидесяти шагов. — Ладно. Итак, «Леди Лазарь» — жестоко, автобиографично и очень театрально. Слушай:

*Умирание —
Это искусство.*

— О-о! — протянула Оливия. — Не думала, что ты начнешь отсюда. — Она навалила на тарелку мясо, сыры и соусы и поставила это все передо мной. — Как известно, она была одержима мыслями о самоубийстве и все такое, но мне понравилось, как она говорит об абажуре. Ну, знаешь, эта странная строчка о том, что ее кожа «яркая как нацистский абажур». — Она прокрутила файл со стихами. — И вот что я нарыла. — Оливия склонилась ко мне через стол. — Мы знаем, что Плат к моменту создания «Леди Лазарь» по крайней мере однажды пыталась покончить с собой, а может быть, и дважды. Но знаешь ли ты, что по слухам нацисты делали абажуры из человеческой кожи? Она сбежала в этот кошмар от собственных кошмаров. Точно тебе говорю.

— Да, конечно, — согласилась я. — Это верный и точный анализ, но это не личный отклик, которого ждет Хорнбэк. Она жаждет твоей крови.

Оливия застонала и передала мне эспрессо. Рукав ее свитера задрался достаточно для того, чтобы обнажить очень бледный шрам. Мне еще много предстояло узнать об этой девушке. Она увидела, что я заметила шрам, и поправила рукав.

— Расслабься, я не пыталась покончить с собой, и более того, это не в моем стиле.

Я кивнула.

— Для развлечения?

— Без особого энтузиазма. — Она кивнула. — Я очень быстро поняла, что я ужасно, до истерик боюсь шрамов. Это была вечеринка с ночевкой. Ну, знаешь, в десятом классе? Они везде одинаковы. Ну и все там резали себя.

Господи, эти богачки чокнутые.

— А что было бы в твоём стиле? Если б ты решила...

— Я бы прыгнула! — Она выпалила это, не раздумывая. И я подумала об окнах от пола до потолка, обрамляющих город под ее ногами. Одно из них было дверью, ведущей на балкон, ведущей к...

— Вот. Вот твой ответ Хорнбэк. Начни с этого. — Я сделала глоток эспрессо, наблюдая, как она обдумывает мою идею.

— Точно, я понимаю, я понимаю. Это мой путь. Путь к Плат. Ты гений! — Оливия села рядом и принялась сооружать себе бутерброд с сыром. — Ну а ты? Как бы ты, ну, понимаешь...

— Я бы не стала этого делать. Да это и не важно. Я посмотрела прямо в ее красивое, ухоженное лицо. — Меня нельзя убить.

6 октября, вторник

Кейт

Доктор Крюгер перелистнула несколько страниц и взглянула на монитор.

— Ну, Кейт, не удивительно, что у вас выдающиеся успехи. Средний балл 3,9 по всем направлениям во всех группах. — Она повернулась ко мне. — Мы опасались, что работа в офисе может оказаться слишком обременительной. Она и была слишком обременительной для других стипендиатов Вэйверли.

Дилеманты.

— Нет, вовсе нет, — заверила ее я.

Работа в офисе была наименьшей из моих проблем. Миссис Чень продлила мою смену до одиннадцати часов в выходные, да еще каждый четверг приходилось работать дополнительные два часа. Но потом воскресными вечерами ни с того ни с сего она начала швырять мне алюминиевые коробки с едой. «Лишнее!» — рывкала она каждый раз. Еды в них было на четыре ужина. Я испытывала одновременно благодарность и смущение. Я была практически уверена, что по-прежнему ей не нравлюсь, но, черт возьми, мне нужны были протеины, а в «лишнем» всегда находился цыпленок, свинина или рыба. В школе на ланч я съедала какой-нибудь фрукт, что, конечно же, оставалось без комментариев как со стороны Оливии, так со стороны остальной, помешанной на диетах, части обедающих.

— Как бы там ни было, наша ахиллесова пята — это внеурочная деятельность. Ну да вы знаете, что университеты, особенно Йель, пристально наблюдают за внеурочной деятельностью. Даже с самыми высокими оценками не хотелось бы здесь напортачить. — Она нахмурилась, глядя в экран. — В школе Сент-Мэри вы были капитаном бейсбольной команды и команды по хоккею на траве и к тому же участвовали в дебатах.

— Со всем уважением, мэм, во всех своих прежних школах я жила в пансионе. Моя тетя... ну, добираться от нее до школы слишком долго.

— Конечно, конечно. — Доктор Крюгер нахмурилась. — Это тяжелая нагрузка, особенно если учесть, в какое время вам приходится начинать работать. — Она вновь обернулась к компьютеру и прокрутила колесико мыши. — Должно быть что-то, что звучало бы внушительно, но требовало бы минимального вмешательства с минимальными затратами времени.

— Вы найдете это, мэм, и я этим займусь.

— Я буду искать. Положитесь на меня.

Крюгер хотела, чтобы я добилась успеха, ей это было нужно. Не только потому, что это хорошо отразится на репутации школы, но и потому, что она сама сильно вложила в меня, в мою историю. Я поработала над этим.

Мой взгляд обратился к книжной полке. Я всегда смотрела туда, и она всегда замечала это. Она была достаточно наблюдательна для мозгоправа.

— О, да, я наконец заполучила новое «Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам». Интересно?

— Пятое издание? — Многие годы я полагалась на четвертое издание, сверяла по нему симптомы и прочее, желая освоить язык мозгоправов. И это издание могло бы пригодиться. Я могла бы вычислить, что происходит с Оливией, потому что с ней явно что-то

происходило. — Может быть. Я подумывала написать выпускную работу по психологии.

— Хм... — Ей понравилась эта идея. — Ну, если ты примешь такое решение, можешь взять эту книгу, когда она тебе понадобится. — Она выключила экран своего компьютера. — Думаю, для этого месяца мы сделали достаточно.

— Спасибо. Большое спасибо, доктор Крюгер.

— Это моя работа, Кейт. Одна из лучших ее частей. — Женщина махнула рукой, отпуская меня, потом добавила: — Пока ты не ушла. Кажется, ты ладишь с другими девочками. Но когда идешь в новую школу в старших классах, видимость может быть обманчива...

Я успела уже встать.

— Об этом не беспокойтесь. Тут все хорошо, я даже думаю, что нашла настоящую подругу. Оливия Самнер.

— Оливия. — Доктор Крюгер кивнула себе. — Оливия — чудесная девушка. Вам обоим повезло! — Она встала, чтобы проводить меня до двери, и как раз в эту минуту кто-то постучал.

Вошел мужчина — настоящий самец. Это, должно быть, он, новый директор по связям с общественностью. Не знаю, как его описать, но это был действительно мужчина. Ошибки быть не могло. Он вовсе не походил на кинозвезду, ничего подобного, но, боже, он излучал грубую мужественность. А потом улыбнулся. И тут я, наконец, поняла, с чего все так переполошились.

— О, прошу прощения, Джинни, я...

— Нет, Марк, мы уже закончили. — Ее руки вспорхнули к груди. Доктор Крюгер *трепетала*. — Кейт О'Брайан, кажется, ты еще не знакома с нашим новым директором Марком Редкиным. Кейт — наш стипендиат в этом году. — К этому моменту Крюгер почти сияла.

Я протянула руку:

— Приятно познакомиться, сэр.

— Что ж, это честь для меня. — Он пожал мне руку. — Вы занимаетесь перетряхиваем и архивированием личных дел, так что вы, наверное, слышали, что я здесь, чтобы точно так же натрясти нам денег и привести все в соответствие с текущим моментом и технологиями. По крайней мере, на это молится совет директоров. — Широкая ослепительная улыбка. Действительно хорошая улыбка. — Я пришел поговорить, Джинни. Я тут думал о том, чтобы заняться индивидуальным продвижением учащихся, это современно, и родители будут вовлечены и постоянно на связи.

— Великолепная идея, Марк!

— А сейчас, когда мы познакомились, — он повернулся ко мне, — я бы хотел, чтобы стипендиат Вэйверли заняла главенствующую позицию, и не только перед комитетом, но и во время благотворительных обедов, и на заседаниях совета директоров. Да чтобы раскошелиться, им достаточно будет взглянуть на вас всего лишь раз!

— Марк!

— Прошу прощения, меня занесло. Но, допустим, мы создадим небольшой комитет индивидуального продвижения учащихся. Вы могли бы возглавить его, мисс О'Брайан. Это не слишком обременительно: несколько идей, пара встреч, и в вашем резюме появится строчка «Председатель комитета индивидуального продвижения учащихся». Что скажете?

Вау. Он что, подслушивал под дверью?

— Кейт? — Крюгер все так же сияла. — Это идеальный вариант.

— Я... Почту за честь.

— Великолепно. Я свяжусь с вами по поводу деталей. Вот так оно иногда и происходит.

Все просто случается.

8 октября, четверг

Кейт и Оливия

Девушки двигались, словно в танце, каждая — с телефоном в руке, каждая — на своей сцене. Оливия купалась в свете, Кейт — в темноте. Первая сцена была просторной и элегантной, вторая — тесной и сырой. Но этот танец, как и другие их диалоги, сближал их. Начало дружбы — своего рода ухаживание. Ритуал представления себя другому с лучшей стороны. Каждый учился не давить слишком сильно и слишком быстро. В этих разговорах девушки обнаруживали общие черты, сознательно игнорируя отличия. У них вошло в привычку долго болтать по телефону.

— Как мне нравится, что ты не любишь эсэмэски! — воскликнула Оливия. — Это такая скука. Двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю ты находишься в плену у множества идиотов. Я так не играю.

— Совершенно согласна, — эхом отозвалась Кейт. — И не только. Всё это остается в твоём телефоне навсегда. Подобная цифровая ерунда может вернуться и цапнуть тебя за задницу.

— Ага, — подтвердила Оливия. — Мой папа постоянно говорит мне ровно о том же.

Чистая правда. Равно как и то, что все средства связи у пациентов Хьюстона изымались, да и в последующей терапии не приветствовались. *Хьюстон.*

— Слушай, а ты молодец, что не стала выпытывать у меня, почему я учусь в выпускном классе второй год.

— Нет, дорогуша. Ты мне сама скажешь, когда будешь готова. — Вся обратившись в слух, Кейт сконцентрировалась на тоне Оливии, оттенках ее голоса.

— Спасибо, это много для меня значит. Не хочу углубляться, но тебе стоит знать, что я болела и провела несколько месяцев в клинике. Обойдемся для начала этим?

— Конечно. И говорить не о чем. Как там твой результат по последним стихам Плат?

Оливия вздохнула.

— Твоими стараниями три и восемь балла. А что насчет лабораторной по физике?

— Четыре! Берегись, Йель, я иду!

— Йель?! — Оливия плюхнулась на кровать. — Не шутишь? Йель?

— Йель — это всё, Оливия. Главный приз, единственно значимая вещь. Я пообещала матери, когда она... до того как, она... э-э... умерла. Можем мы не говорить об этом сейчас?

— Конечно! Но, Кейт, это идеально! Я тоже собираюсь в Йель. Ну, если не перегорю. Все мои знакомые... то есть мамины знакомые — оттуда. Мои родители познакомились там.

Кейт забыла дышать. Может, Господь Бог все же развлекался где-то поблизости?

— Я даже не думаю об альтернативах, Оливия. Или Йель, или ничего.

— Ты поступишь туда. Мы — сила! — Это было прекрасно. Оливия раскидала все подушки, разрушив созданное Анкой совершенство. Кейт была лучше ативана.

— Это точно. — Кейт осторожно опустилась на кровать. Она была вынуждена садиться осторожно, иначе пружины возмущенно скрипели, этот звук выворачивал ее наизнанку. — Завтра у меня следующая лабораторная.

— Отлично. Хочешь, встретимся утром, вместе позавтракаем, и я тебя погоняю?

— Хотелось бы, но я работаю, помнишь?

— Точно, прости. Я забыла. Но послушай, мой папа приедет на выходные. Не хочешь зайти? Я просто жажду вас познакомиться.

Липкая сырость подвала пропитала все. Простыни и подушки не просыхали от влаги.

— И это не получится.

— О. — У Оливии скрутило живот. А все шло так хорошо. Она вскочила с кровати и постаралась, чтобы голос ее звучал бодро. — Что-нибудь случилось?

— Нет. Да. Слушай. — Кейт подготовилась к этому. У нее был план. У Кейт *всегда* был план. Просто сейчас, в этой канаве, ей было трудно сосредоточиться. И все же она решила перейти к нему. Она уже подготовила Оливию, но в эти игры следовало играть именно так. — Слушай, — повторила она. — Ты не должна никому говорить об этом. Или я вылечу. Это секрет. У меня есть секреты, Оливия.

— Можешь на меня положиться, Кейт. Господь свидетель, у меня самой есть пара секретов. — Ее дыхание замедлилось, но кручение в желудке никуда не ушло.

— Я и в выходные работаю.

— Но...

— Да, стипендиатам это строго запрещено. Предполагается, что я должна отрабатывать не больше семи часов в неделю в офисе, но, кроме того, я работаю на китайском рынке. Две смены по одиннадцать часов на выходных, а теперь еще, когда пошли осенние овощи, и в ночь на четверг.

— Это так нелепо, и это ужасно. — И все же Оливия почувствовала облегчение. — Но твоя тетя... извини, но все знают, что ты живешь со своей тетушкой.

Кейт улыбнулась. Она сама лично «разгласила» этот секрет.

— Моя тетка — жадная сучка, которая ненавидит меня до печенок. — Ну, это было действительно так, если тетушка была бы еще жива, где бы она ни находилась. — Она заставляет меня платить за проживание, а если в школе узнают об этом, я вылечу.

— С ума сойти! Как ты вообще можешь столько работать там, а потом — в школе, а потом еще и учиться? Как ты живешь? Как ты готовишься к поступлению в Йель?

Кейт вздохнула в трубку:

— Так и живу, понимаешь? Я не могу... Я не хочу говорить об этом. Хорошо?

— Да, конечно. — Как Кейт могла получать те оценки, которые она получала? Как она вообще проводила свой день? Оливия вдруг поняла, что о своей новой подруге она не знает практически ничего. Кажется, что они говорили обо всем, но только не о личном. — Хорошо. Тогда поужинаем с моим отцом в субботу вечером. Так поздно вечером, как тебе будет удобно. Я зарезервирую столик в «Ле Цирк».^[6] Тебе там понравится. — Тут девушка запнулась. — Если тебе, может быть... ну, если тебе нужно платье, у меня их миллион.

— Спасибо, у меня есть платье. Ну, если ты пообещаешь притворяться всякий раз, будто видишь его впервые. Это миленькое платьице от «Кейт Спейд». Я нашла его в Чайна-тауне. У моего парикмахера есть... ну, скажем, связи.

— Обещаю восхищаться всякий раз, как увижу его. Восемь — достаточно поздно?

— Идеально. — Кейт была бы готова и руку себе отгрызть, лишь бы успеть к восьми. — Просто идеально.

— Хорошо. Тогда увидимся на английском. Лэнгстон Хьюз.^[7] — Она застонала.

— Легкотня. Обещаю.

— Ну, раз ты так говоришь. Увидимся. — Все еще чувствуя облегчение, Оливия разгладила одеяло и взбила подушки. Все шло как надо.

Кейт встала, и кровать издала стон. От одной стены подвала до другой было десять футов. Стол мешал ей расхаживать туда-сюда, так что она придвинула его к стене, отбив от нее несколько кусков цемента. Кейт снова принялась вышагивать, обняв себя за плечи в попытке укрыться от холода и пыли.

— Хорошая работа, Кейт. Хорошая работа.

10 октября, суббота

Оливия

Ресторан поглотил реальность и заменил ее своей версией. Стоит только оказаться в «Ле Цирк», и мир становится произведением искусства. «Ле Цирк» был идеальной версией реальности. Именно поэтому Оливия любила его. Отец предпочитал крохотное бистро с древними официантами за углом на Мэдисон, но Оливия знала, что папа любит баловать ее.

Естественно, что все засуетились. Там всегда воцарялась суэта, когда она приходила туда с отцом. Менеджеры и шеф-повара возникали словно из воздуха, чтобы поинтересоваться их здоровьем и поездками отца. Оливия была рада, что они пришли раньше, чем Кейт. Такого рода вещи могли ее напугать. Их проводили к любимому столику у окна. Бенджамин налил воды со льдом и протянул меню. Он знал, что не стоит предлагать воду в бутылках. Мистер Джеффри Самнер был энергичным защитником водопроводной воды.

— Может ли гордый старик заметить, как великолепна его дочь?

— Да, конечно, пап, но ты говоришь это уже в четвертый раз. — Оливия открыла меню. — Мне кажется, сейчас самое время начать подыскивать тебе новую жену.

Мистер Самнер застонал.

— Трех хватит за глаза, детка. Я зарекаюсь жениться. Просто скучаю по тебе. Все эти безумные бесконечные поездки, я чувствую...

Оливия поняла, что отцовская забота раздражает ее. Она потянулась через стол, чтобы коснуться его руки.

— Со мной все хорошо. Правда. В этом году я должна была бы учиться в колледже, и ты не смог бы виться вокруг меня в кампусе. Ты почти год потерял, когда... Слушай, я официально освобождаю тебя от чувства вины за твои поездки. — Он вздрогнул? — К тому же Анка бежит за мной как кот за валерианой. Па, никто не мог сделать для меня больше, чем вы. Все хорошо. Все было хорошо, даже когда я думала, что мне будет немного одиноко. Но теперь, когда я нашла... — Оливия вскинула взгляд. — А вот и она! — Оливия помахала подружке рукой, пока метрдотель вел ее к столику. Кейт сияла.

Мистер Самнер встал, застегнул пиджак и протянул руку движением плавным и текучим.

— Добро пожаловать, Кейт. Я много слышал о вас. Спасибо, что пришли.

— Спасибо за приглашение, мистер Самнер. — Кейт тоже протянула ему руку. Она покраснела?

— Пожалуйста, зовите меня Джефф.

— Постараюсь, сэр, но не могу обещать. До этого я училась в очень строгих католических школах. — Девушка снова покраснела. — «Не следует звать вышестоящих их христианскими именами, юная леди!»

Мистер Самнер улыбнулся, отодвигая стул для Кейт.

— Ну уж постарайтесь. Я с трудом могу мыслить о себе как о вышестоящем.

— О, пап, — Оливия застонала, — это *настолько* неправда!

Он фыркнул. Но все так же улыбался.

— Современные дети.

Оливия обернулась к подружке.

— С ума схожу от твоего платья! Это «Кейт Спейд»? — Она подмигнула.

— О, спасибо. Оно твое, когда только надумаешь его одолжить.

Бенджамин материализовался, чтобы принять заказ. Пока девушки обсуждали меню, мистер Самнер подкреплялся односолодовым виски. Оливия перечислила свои любимые блюда, незаметно инструктируя Кейт, которой, как выяснилось, не требовался инструктор.

Мистер Самнер выбрал седло барашка. Девушки взяли по натуральному стейку из говядины сухой выдержки, прославившему гордое имя фермы, на которой он был произведен. Отец Оливии заказал бокал «Амароне» из своих запасов.

— И хотя дамы выбрали стейк, принесите полбутылки белого. самого лучшего шабли. Согласны, дамы?

— Идеально, пап. Спасибо. — Оливия повернулась к Кейт, которую, кажется, застали врасплох. — Все в порядке. Папа знает, что мы все пьем. У него довольно европейский подход к реальности. И за исключением пары эпизодов, я стараюсь вести себя ответственно.

Мистер Самнер кивнул, соглашаясь. Бенджамин плеснул белого вина в бокал Оливии, затем красного — мистеру Самнеру. За этим последовала целая пантомима: они слушали звон бокалов, вдыхали аромат, пробовали вкус.

— Итак, Кейт, — он поднял вновь наполненный бокал, — моя дочь клянется, что вы гений и что вы одна помогаете ей и с углубленным английским, и, вероятно, с углубленной историей, а я знаю мою Оливию.

— И готовиться к академическому оценочному тесту! — добавила Оливия между глотками.

— Нет, сэр, все совсем не так. Оливия справится с любой задачей, и она помогает мне разобраться с физикой. Просто английский и стандартизированные тесты даются мне легко, а углубленное изучение истории у меня было в младших классах.

— Видишь? Я могу быть спокойна! — Оливия отсалютовала Кейт бокалом.

— Да, звучит внушительно, — согласился мистер Самнер и вновь обернулся к госте. — Ну что ж, мисс О'Брайан, расскажите мне, откуда вы, кто ваши родители?

— Пап! — Оливия обернулась к Кейт. — Прости его, он юрист. Просто не может удержаться.

Кейт взяла салфетку, сложила ее вдвое и положила на колени.

— Что ж, сэр, Оливия, должно быть, рассказала вам, что я живу со своей тетей. — Ее отец не ответил, ожидая, что еще она скажет. — И, надо сказать, я много где жила. — Она глотнула немного вина, и Оливия сделала то же. Терпкий вкус успокоил, позволил Оливии услышать ответ подруги. — Я росла здесь, ну, на Стейтен-Айленде и в Бруклине, пока не окончила пятый класс, потом мы переехали на Запад, жили в разных местах, даже в Канаде. Переезжали каждый учебный год. Везде я была стипендиаткой.

Представляя себе, как ее подруга из года в год переезжает и начинает все заново, Оливия испытывала восхищение: все эти школы, всегда новенькая. Это так изнурительно, но она чувствовала и крупицы зависти. Что, если бы...

— А ваши родители?

— Оба скончались, сэр. Оливия задохнулась.

— Прости, я... Прости. — Она быстро глотнула еще вина. Она знала о матери, потому что Кейт упоминала об этом, и ходили слухи о том, что она — сирота. Но девушка знала, что и о ней самой ходили безумные слухи, так что не придавала этому значения. Кроме того, им было о чем поговорить: жизнь, вкусы, идеал мужчины, (характер?) одноклассниц, даже

поэзия.

Ей следовало спросить.

— Все в порядке, правда. Это был... несчастный случай. Когда мне было тринадцать. — Теперь Кейт сделала глоток вина и выдохнула: — И все школы с тех пор, с того времени, были школами-интернатами.

Отец Оливии опустил бокал.

— О, моя дорогая девочка. Как бестактно с моей стороны.

— Нет, нет, пожалуйста. Прошло уже больше четырех лет. Целая жизнь. — Она сделала еще один глоток. — Полагаю, не все об этом знают, но это и не секрет.

Не секрет?

«У меня есть секреты», — сказала Кейт однажды. Было что-то еще?

— Вы, должно быть, знаете, что некоторое время назад мы потеряли мать Оливии?

— Да, сэр. — Кейт покраснела. — Ну, одна из девочек говорила об этом раньше. Может быть, поэтому нас и потянуло друг к другу.

Оливия наклонилась и сжала ее руку.

Принесли закуски. Бенджамин суетился с монструозной мельничкой для перца. Следующего глотка Оливии хватило, чтобы лампы засияли ослепляющим блеском. Ее отец стал еще привлекательнее, а ее подруга — а у ее подруги прибавилось трагичного очарования. Она отставила бокал в сторону.

Когда Бенджамин исчез, мистер Самнер улыбнулся Кейт.

— Вы без сомнения замечательная молодая женщина, если находитесь здесь после всего того, что с вами случилось.

— Нет, не так чтоб очень. — Кейт пожала плечами. — Трагические вещи случаются. И ничего нельзя исправить. — И сколько людей через это проходит. — Вы не представляете, как много преданных своему делу учителей, воспитателей и социальных работников поддерживали меня, помогали учиться, и вот я здесь.

Оливия обернулась к окну, к теням пешеходов снаружи. Это прозвучало... как бы это сказать — несколько заучено? Но опять же Оливия и представить себе не могла, сколько раз Кейт была вынуждена пересказывать эту историю. Ее восхищение подругой росло.

— Видите ли, сэр, я всегда зависела от доброты незнакомцев.

Отец Оливии отсалютовал бокалом.

— Теннесси Уильямс.

— «Трамвай „Желание”». ^[8] — Кейт улыбнулась.

Оливия откинулась на спинку стула. Они понравились друг другу. Слава богу.

Оставив в стороне трагическую тему, все трое переключились на истории мистера Самнера о нескольких последних неделях его работы в Рио-де-Жанейро. Отец Оливии был старшим партнером в «Брукфилд, Холден и Самнер» — юридической фирме с большим количеством филиалов во всем мире, но в минувшем году «международных» поездок было немного. После того как он развлек девушек своими лучшими бразильскими историями, подруги, хихикая, принялись описывать одноклассниц.

— Они что, еще хуже, чем в прошлом году? — спросил отец Оливии.

— Дети! — ответили они обе одновременно и чокнулись бокалами.

Когда пришло время десерта, Кейт отлучилась в дамскую комнату. Оливия наблюдала, как та изящно огибает столики, стулья и расслабившихся гостей, позволивших себе пару лишних бокалов.

Мистер Самнер открыл меню и вздохнул.

— Полагаю, я закажу один десерт для вас двоих? Оливия накрыла его руку ладонью.

— Говорила я тебе? Она потрясающая, правда? Он положил свою ладонь сверху.

— Да, ты говорила, детка. Ты была права, она очаровательна. — Мистер Самнер снова бросил взгляд на меню. — Я возьму немного портвейна, а вам, полагаю, надо заказать сметанный пирог с ревенем, верно?

— Совершенно верно, — согласилась Оливия. — Мы с Кейт обе его обожаем, как и двойной эспрессо.

— Хм, да. — Он улыбнулся дочери. — Одного поля ягоды. Редкое совпадение. Но я рад, что вы нашли друг друга.

— О, я тоже, пап. Ты даже не представляешь, насколько.

В Чайна-таун мне пришлось возвращаться пешком. Я только что выбросила четыре доллара тридцать пять центов на двойной эспрессо, зайдя с девочками в «Старбакс», и денег на метро не хватило. Несколько дней я намекала Оливии на то, что мы должны сформировать свою клику. Когда это не сработало, пришлось упомянуть, что администрация школы отслеживает мое «здоровое социальное взаимодействие». Это заинтересовало Оливию, но не сподвигло на конкретные действия. Наконец мне пришлось объяснить, как нужен мне для поступления в Йель комитет индивидуального продвижения учащихся. Это сработало. Но попотеть мне пришлось сильнее, чем обычно.

По крайней мере встреча в «Старбаксе» прошла нормально. Оливия позвала Серену Шоу, Морган Сингер и Клэр Ву. По ее словам, это были самые не обидчивые и не инфантильные представительницы старших классов. Все время встречи мы говорили о том, как крут Марк Редкин. Хотя ладно, пара минут была посвящена комитету индивидуального продвижения, но остальное свелось к тому, кто видел Марка, когда и где, и что на нем было надето. Вся школа сходила по нему с ума.

— О, это как в фильме, который я смотрела по ТСМ^[9] прошлым летом. «Обманутый».

— Да, я однажды видела кусок оттуда, — немедленно закивала Морган. Морган и Клэр были лучшими подругами. Серена почти ни с кем не общалась близко, но с тех пор, как ее отец приобрел едва не половину Лондона, она стала очень популярна. Так же как и ее странный акцент.

— Это про солдата, раненного в гражданской войне, который отсиживается в женской школе-интернате в Луизиане, и все сходят от него с ума. Его играет Клинт Иствуд.

— Фу! — Оливия поморщилась.

— Нет, нет, нет! — в один голос запротестовали обе девушки. — Это Клинт Иствуд, каким он был, ну, наверное, лет пятьдесят назад. Дамы, он был бесподобен!

Мы только притирались друг к другу, всё еще были настороже, но двигались в правильном направлении. Это было хорошо, очень хорошо. Но, шагая по Паркавеню к Чайна-тауну, я вдруг задумалась. И ничего хорошего в этом не было. Мысли мои кружили вокруг того, что я по-прежнему живу в канаве, что мои ногти все так же ломаются, когда я разгружаю овощи, что госпожа Чень по-прежнему не поддается моему обаянию. Последнее бесило меня сильнее, чем должно было. Какая разница, любит она меня или нет? Вот только разница была. Я пыталась убедить себя, что дело в культурных различиях, но, черт возьми, она расцветала всякий раз при виде мальчишки из булочной. Парень всегда носил темные джинсы и черную футболку, будто явился из девяностых. Это по-настоящему беспокоило меня. Он салютовал ей всякий раз, как прохаживался с важным видом по рынку, а она улыбалась и махала ему в ответ. И тогда я допустила ошибку, спросив ее, кто это, а она просто проворчала «Булочная».

Этот парень из булочной меня раздражал. Проклятье, меня раздражала вся ситуация.

Думать хорошо, когда ты обдумываешь план, но думать ради самого процесса — ошибка. Будто вязнешь в горячем битуме. К тому моменту, как я добралась до Юнион-сквер, мне нужно было ненадолго присесть. Я зацклилась на одной мысли. Когда я зацкливаюсь на

одной мысли, я глупею и начинаю давиться воспоминаниями. Как в тот день, когда я похоронила поздравительную открытку в парке.

Мы с мамой жили над круглосуточным магазином электроники и хозтоваров, который не работал по воскресеньям, понедельникам и вторникам. Из всех наших квартир эта была моей любимой. Большинство квартир над магазинами действительно неплохи, хотя со стороны об этом никогда не скажешь. С нашей нам определенно повезло. Мы были счастливы. У каждого была своя спальня. За ними располагалась кухня, а еще столовая и огромная гостиная с окнами прямо на улицу. Квартира была полна очарования и индивидуальности. Так там сказал мистер Сазерленд.

Я еще не успела вытащить ключ из двери, как в коридор вышла мама. Почему она была дома так рано?

— Кейт, дорогая?

Я не могла разглядеть выражения ее лица в неярком свете лампы, но видела, что она все еще была в своей белой униформе зубного техника.

— Привет, ма. Ты чего так рано?

— У меня чудесные новости, дорогая.

Она говорила этим тонким, словно китайский фарфор, голосом — высоким и дрожащим.

На кухне что-то упало, послышался шум возни. Я шагнула к маме. Сердце сжалось.

— Да, ты верно догадалась, дорогая. — Ее глаза распахнулись, но тон не изменился. — Твой отец дома. Идем в гостиную.

— Папа? Он нашел нас?

Мама сграбастала меня за руку и прошептала одними губами:

— Он немного пьян.

Вся левая сторона ее лица была розовой и шла пятнами.

«Немного пьян» — это было плохо. «Очень пьян» — гораздо лучше, потому что в этом случае он промахивался два раза из трех. А лучше всего — «пьян в стельку».

Отец ввалился в прихожую.

— Прости, дорогая, — зашептала мама, — я слишком много ему рассказала. — Она произнесла это так быстро и тихо, что я не была уверена, все ли я расслышала.

— Кэти! Ты посмотри, а? — Он почти не шатался. Просто «немного пьян».

— Как тут моя деточка, а? Обними старика.

Он притянул меня к себе. Я чувствовала запах сигарет и даже его пота. Темный, густой запах ржи и кока-колы, заставивший меня задохнуться.

Мой отец начал хихикать.

— Я приехал на большое воскресное празднование Дня отца в Сент-Реймонде. Чё скажешь? — Мой желудок наполнился ледяными кубиками. — Твой папочка ждет не дождется встречи с твоими новыми друзьями и новой учительницей, — невнятно пробормотал он. — На этот раз — настоящая монашка?

— Стивен, не надо.

— Сестра Розы или как-то так, верно?

Он сжал меня сильнее.

— Стивен, пожалуйста.

Я решила не дышать. Вот так я и умру. Задохнусь. Интересно, как скоро я умру?

Он снова захихикал, только на этот раз звук вышел булькающим.

— Сё нормально, сладкие щечки. Твоя мама рассказала мне про всю эту вашу аферу. — Он отпустил меня, потом одумался и ухватил сзади за волосы. — Так я умер, да?

Она сказала ему? Нет, мама, только не это.

— Стивен! — Ее лицо уже начало опухать.

Он потянулся к тумбочке и взял стакан левой рукой, все так же удерживая мои волосы правой.

— Ты, маленькая мошенница. — Он дергал мою голову из стороны в сторону. — На двух стульях усидеть хочешь? Эта твоя благочестивая монашка тебя жалеет, а одноклассницы ничего не знают. Так что даже если меня и увидят с тобой, никто не подумает, что я твой отец.

Он отхлебнул своего пойла.

— Чертовски умно. — Запах ржи и кока-колы сочился из каждой его поры. — Моя порода. — Он дернул мою голову назад. Мой отец был очень высок.

— Ай, папа. Ай!

Он посмотрел на меня сверху вниз.

— Я горжусь тобой, дорогуша. Десять лет, а уже врешь монашке. Вот это яйца!

— Нет, я не вру... — Я подняла взгляд. — Это как особый секрет или...

— Ты хочешь сказать «ложь», Кэти. Ты моя. Не говори только, что не кайфовала, когда она купилась на это.

О боже.

— Яблоко от яблоньки недалеко падает. Ты вся в меня, вся.

В него? Нет! Я не такая. Он все извратил. Я просто не хотела, чтобы сестра Роуз знала о нем, об этом. Это плохо, когда все знают. И может быть, я поступила умно, убедив ее хранить «наш секрет» от всего класса, просто на всякий случай. Но это было не все. Я смутно помнила, как именно зарождался мой секрет. Подробности кружились, словно меловая пыль в классе. Может быть, я думала... может быть, я верила, что, если скажу сестре, будто папа умер... то Бог как-нибудь сделает это правдой.

Я хотела, чтобы он умер. Я была хуже него.

Я просидела на скамейке несколько часов, признавая эту правду. Потом встала и пошла в Чайна-таун.

[Купить полную версию книги](#)

Особый сигнал, подаваемый боссами мафии или капо и означающий, что этот член семьи стал предателем и должен быть убит. (*Здесь и далее прим. переводчика.*)

Дорогая марка кухонной техники.

Здание премиум-класса (построено в конце 19 в.), национальный исторический памятник, обрело наибольшую известность как место гибели Джона Леннона.

Плат, Сильвия (1932–1963) — американская поэтесса и писательница. Считается основательницей жанра так называемой «исповедальной поэзии» в англоязычной литературе. Трагически ушла из жизни после развода.

MoMA — Музей современного искусства в Нью-Йорке.

Сеть ресторанов французской кухни.

Хьюз, Лэнгстон (1902–1967) — американский поэт, прозаик, драматург.
Первооткрыватель «джазовой» поэзии.

Одна из самых известных пьес американского драматурга Тенниси Уильямса (1911–1983).

Turner Classic Movies (TCM) — американский кабельный телеканал, по которому демонстрируются в основном классика кинематографа США. Упоминается кинолента *The Beguiled* (1971).

Марки итальянского постельного белья.

Свинина по-китайски.

Считается, что на языке индейцев это означает «верный друг». В киноленте «Одинокий рейнджер» (*The Lone Ranger*, 2013) так называет блюстителя закона Джона Рейда его друг индеец Тонто.

Персонаж одноименного фильма.

Марка пива.

Роман Кевина Квана.

Собрание лучшей англоязычной поэзии.

Строка из стихотворения валлийского поэта-романтика Дилана Томаса (1914–1939) *Do not go gentle into that good night* («Не уходи покорно в мрак ночной», в пер. Г. Кружкова).

Часть названия пивоваренной компании — Michelob Brewing Company.

Экзамен на выявление академических способностей.

Кабо-Сан-Лукас — город в Мексике, известный морской курорт.

«Король былого и грядущего», роман английского писателя Теренса Хэнбери Уайта (1906–1964).

Беккет, Сэмюэль (1906–1989) — ирландский писатель, один из основателей театра абсурда.

Трайбека, TriBeCa от Triangle Below Canal Street (англ.) — «Треугольник южнее Канал-стрит», район Манхэттена.

Универмаг на Манхэттене.

NoNo — Исторический район нижнего Манхэттена.

Парк на Манхэттене.

Не так ли? (*франц.*)

Универмаг на Пятой авеню.

Исторический район на западе нижнего Манхэттена.

хохо — смайлик, условное обозначение для «объятия и поцелуи».

Блюдо на завтрак, представляющее собой бутерброд из двух половинок булочки с яйцами пашот, ветчиной или беконом и голландским соусом.

Бьющий игрок в бейсболе.